

Заметки русского путешественника

ВЛАДИМИР РЕКШАН

писатель, рок-музыкант,
спортсмен и путешественник

Родился в Ленинграде в 1950 году. Первые одиннадцать лет прожил на Кирочной улице, 12, в той самой квартире, где Ульянов-Ленин весной 1917 года разъярял товарищам Апрельские тезисы. Ходил в детский сад на Кутузовской набережной, где когда-то проживал А. С. Пушкин. Пройдя обучение в школах 203, 126 и 531, Рекшан поступает на исторический факультет ЛГУ. Летом 1968 года в составе сборной Советского Союза по легкой атлетике (мастер спорта по прыжкам в высоту, лучший результат 2 м 15 см) Рекшан оказывается в Париже, еще хранящем следы недавней молодежной революции. Возвратившись на родину, Рекшан организовывает группу «Санкт-Петербург», ставшую пионером русско-язычного рока. Во второй половине 70-х Рекшан предается литературному творчеству. Первая книга прозы выходит в начале 1987 года в изд. «Советский писатель» и называется «Третий закон Ньютона». В № 3 журнала «Нева» за 1988 год Рекшан публикует сразу ставший культовым небольшой роман «Кайф», затем выдержавший пять книжных изданий. Пользуются популярностью и такие книги писателя, как «Ересь» (Атос, 1995), «Четвертая мировая война» (Азбука, 1996), «Смерть в Париже» (Азбука, 1997), «Царские кости» (Лимбус-пресс, 2000), «Сестра таланта» (Красный матрос, 2001). Рекшан лауреат ряда литературных премий, а за оригинальную энциклопедию «Занимательные страницы истории Петербурга» (Литера, 2003) получил премию «Медиа-Союза» и Администрации президента РФ. Роман «Ужас и страх» был опубликован в сентябрьском номере журнала «Нева» за 2004 год (награжден ежегодной литературной премией журнала «Нева» *За лучшее прозаическое произведение*). После выхода романа в издательстве «Амфора» Рекшан был отмечен Гоголевской премией.

НЕСКОЛЬКО РАЗ В ПАРИЖЕ

Хотелось написать так:

Морозный парижский вечер. Поземка струится по набережным, кое-где уже намело вполне сносных сугробов, и редкие прохожие скользят по бульвару в сторону метро, пробегая мимо замерзшего фонтана. Воду выключили еще месяц назад, когда начались первые морозы, но все равно откуда-то из городских недр натекало, быстро превращаясь в лед, и тот был очаровательно красив, переливаясь вечерними огнями. Я протрусил мимо махонькой площади, с которой так и не убрали плетеные стулья — за ними в теплое время года сидели туристы, ловкие официанты им выносили подносы с дежунерами и динерами. Теперь только продрогший бродяга сидел в одном из кресел. Такие обычно сидели внизу на ближайшей станции метро «Сен-Мишель», пили дрянное вино и, похоже, тут же мочились, если судить по ядовитому запаху, пропитавшему станцию. На них никто не обращал внимания. Щебетали студенты из соседней Сорбонны, разные клерки разъезжались по домам. Впрочем, вечерняя толпа уже схлынула, изгнанная холодом. На живописной улочке Сен-Андре дез Арт никого. Не доходя перекрестка Бусси, меня ждала *madam la guse*. Возле нее стоял дед Дидье. Я шел к нему в гости, и он вышел встречать, не надев пальто. Глянул на часы — было ровно восемь, я не опаздывал.

— Салю! — поприветствовал, а в ответ услышал по-французски эмоциональное, и в этот момент совершенно искреннее:

— Vladimir!

— Опаздываешь, — произнесла *madam la guse*.

— Нисколючки, — не согласился я.

Мы свернули в переулок и вошли во внутренний двор жилого дома, соседствовавшего с рестораном, где подавали лягушек. «В собственном соку», — промелькнула в голове нелепая фраза. Мы дождались лифта и поднялись на третий этаж. *Madame la guse* всю щебетала с Дидье. Такую быструю французскую речь я не понимал и поэтому просто улыбался, кивал головой и повторял: «Уи! Уи!»

Дидье занимал обширную квартиру с высокими потолками. В гостиной у него горело одновременно шесть настольных ламп, создавая причудливый уют. Сначала посидели в креслах возле низкого стола и минут с десять обменивались приветствиями и вопросами об общих знакомых. После, по жесту хозяина прошли на кухню и стали смотреть, как Дидье prepares свой знаменитый соус. После того как мы уничтожили по миске серых креветок и внушительному *cote* говядины, артистический дед вернулся к плите.

Он щедро полил ромом сковородку, полную бананов. Ром вспыхнул, быстро прогорел, и Дидье стал накладывать готовые карамельки по тарелкам.

— А если водкой залить? — поинтересовался я.

— Нет, — ответил серьезно дедушка. — Продукт должен быть из одного региона. Бананы и ром! Тогда все получится.

— Понятно, — согласился с ним. — Сало и самогон.

— *Comment?* — не понял Дидье.

— Самогон — это такая домашняя водка, — уточнила madam la ruse.

Madam la ruse переводила то, что я не понимал, а Дидье шутил над своими свежевставленными зубами. Впрочем, он бодрый и подтянутый, следящий за собой француз. Может быть, я и не завидую его возрасту и национальности, зато отдаю должное хорошим рубашкам и ловко повязанным нашейным платкам. *J' ai veussi a comprendre ne plus que 20 pourcent de la conversation*, и пока madame la ruse и Дидье чирикали, я разглядывал окружающее меня пространство. Тут на кухне возникла младшая дочь Дидье Сесиль, похожая на газель. Мы знакомимся формальными поцелуями в обе щечки. У нее на выставке возле Отеля Шайо висят графические работы. Сегодня как раз было открытие международной выставки «Антиквары и креаторы».

— *Papa!* — в голосе газели слышится расстройство. — Ты знаешь, что по-английски наша фамилия означает кретин!

— Это еще ничего, — хладнокровно отреагировал Дидье. — По-испански — это пиде.

— А по-русски? — подозрительно спросила Сесиль.

— У нас таких слов нет, — успокоил я девушку.

Хотелось написать так:

Он пришел в дом на набережной *des Grand Augustins*, мимо которого с милицейской сиреной регулярно проносились пикапы с преступниками и автоматчиками. По ту сторону речушки на острове Сите вершила над мужчинами суд слепая женщина Фемида. Вот и он, усевшись на диван, стал говорить о женщинах, хотя, казалось, он говорит о себе:

— Либерте! Теперь я свободен! Я хочу быть тем, кто я есть. Мне ничего не нужно. Я жил на улице и стирал рубаху в Сене. — Он замолчал, удивляясь собственным словам, а затем продолжил: — Тут можно прожить на пять евро в неделю! Я обедал на *place Republic* — там обеды для бедных! И одежду мне тоже дали.

Его пальто висело на стуле. Подняв за ворот, я стал рассматривать этикетку. Это был «*Trussardi*».

— И я хочу такую. Скажи, где дают?

Но он не сказал, а продолжил монолог.

— Я открыл фирму. Пятьдесят миллионов оборот! Офис на *Saint-Honore...*

Мы уже сидели за столом, и я подливал ему вино. Мы успели съесть по авокадо, по мясному блюду с непереводаемым названием.

Сделав глоток, он отодвинул фужер, посмотрел на меня, а я на него. Его лицо было, как и десять лет назад, энергичным, волнистые волосы без седины, крупный прямой нос и карие глаза романтика со стажем.

— Я никому не говорил, а тебе скажу.

Тут же напало сомнение — стоит ли слушать? Его звали Домьян, Демьян почти что.

— Они решили, что я должен поехать. Это будет выглядеть, как съемка фильма о мировых музыкальных центрах. Скоро меня ждут в Петербурге. Но это только ширма. А за ширмой они решили, что я должен решать.

— Они — это кто? — робко поинтересовался я.

— Это масоны, — с готовностью объяснил Демьян. — Самые влиятельные из тех, какие есть.

— Угу, — я постарался согласиться многозначительно. — А что решать?

— Ага! Догадайся.

— Ничего представить не могу.

— Но попробовать-то можно! Можно!

— Хорошо. Самые влиятельные станут решать... допустим, они найдут решение... Масоны решат проблему мелиорации Внутренней Монголии и одновременно спасут Аральское море?!

— Нет! — Демьян нервно взмахнул вилкой. — Это не море и не степь. Я уже ездил в Афганистан. Они приставили к моей голове ваш автомат, но не убили. Потому что я засмеялся — давайте. Давайте! Вы мне только поможете! Они тоже засмеялись. Мы смеялись вместе, как друзья детства. Думаю, они и не хотели убивать. Тут все просто. Просто надо потесниться, ужаться, не быть жадными.

— Так-то, оно, так. — Я достал сигарету и стал катать ее в пальцах.

— И мне не было страшно. Поскольку я свободен. А свободный может потерять только жизнь. Что такое жизнь?

— Действительно.

У него были разные жены и дети. Последнюю жену я видел несколько раз и ничего сказать не могу. Да и почему я должен что-то говорить про женщину? Три года тому назад мы оказались рядом в крытом манеже на командном первенстве мира по шпаге. Тогда китайцы убили французов, а русские и китайцев, и французов, и даже итальянцев порубили в капусту. Я вскакивал от нечего делать и кричал: «Колобков! Колобков!» Демьян только тер ладонью воскресную щетину, стараясь быть незаметным, доставал из сумки бутылку красного и, выдернув пробку, делал глоток, словно бродяга. А я вскакивал снова и кричал еще громче: «Кочетков! Кочетков!»... Уже тогда было понятно — у него не все *very well*. В деле оказался замешен санитар из дурдома в Шарантоне, ставший каким-то ангелом хранителем чего-то. Наши английские языки желали лучшего. Всех оттенков я не понял и не хотел. Хватит мне и своего ребуса. Однако контуры драмы обозначились. В ее границах еще стояли руины с печными трубами, похожими на потрепанные фаллосы. Дети выросли и разъехались. Жена же считалась взрослой давно, но уехала только сейчас. Нет! Я не так понял глагол. Сперва дети уехали, потом Демьян ушел.

— Что оставалось делать? Только признать себя счастливым, как Мерлин Менсон! Знаешь такого уroda? — Демьян взмахнул бокалом, сделал глоток и продолжил: — Представь себе теплую летнюю ночь без облачка. Огни Парижа остались в долине. Я лежал на траве в сквере неподалеку от Тракадеро и видел тяжелую тень Фоша в сторонке. Но зачем мне Фош? Листочки шелестели над мной, а сквозь листья молча светилось небо.

Я не пожалел времени и выбрал место на траве, не засранное собаками. Если б ты знал, как меня достали эти парижские собаки и их хозяева! Ведь Париж — это не город великой истории и архитектуры, а просто куча собачьего говна, не убираемого никем!

— Не кипятить ты так. *Do not worry, be happy.*

— Хорошо тебе говорить. Ты, наверное, никогда не вляпывался.

Я подумал о себе, стараясь быть объективным.

— Приходилось.

— Тогда ты поймешь, как это здорово — вдруг стать таким, какой ты есть, и опять вернуться к первопричине первооснов! Слышать шелест и видеть небо! А в небе звезды, как в Магрибе! Они такие большие — как хрусталики глаз. Глаза беспредельной бесконечности. Просто смотрел в них и впадал в пофигизм. Как это сказать понятно? Да, пофигизм — это должно быть понятно. Ты меня понял?

— Понял на все сто!

— Тогда слушай дальше.

...Он лежал, положив под голову кожаный портфель, а после задремал, заснул, и даже металлический замок портфеля, врезавшийся в затылок, не посмел помешать; увидел во сне Бретань, волны, набегавшие на берег, мокрый серый песок и парус яхты вдалеке. Эта яхта приснилась ему еще в детстве — тогда она, ее эфемерный образ, говорил о будущих годах, о свободе, о путешествиях, о верных друзьях и нежных подругах; эта яхта, парус говорили и о героическом подъеме на Гималаи, о том, как капитан сорвался, но его вытащили, и сделал это именно Демьян, его считали героем; в этой яхте скрывались университетские прозрения, лаборатория, бессонные ночи, открытие лекарства против бациллы и спасение мира; и каждая неудача, каждый прожитый мимо сна год погружали суденышко в пучину времени. Кораблик уже, казалось, утонул, сгнил на дне, покрытый илом. Но всякий счастливый сон поднимал его из пучины бессознательного, напоминая о поверженных мечтах. Вот и теперь он, как «белеет парус одинокий», назойливо напоминал о том, чего уже никогда не случится...

Демьян открыл глаза, но еще не проснулся. Вначале сознание поняло темный овал лица со штрихом козырька над бровями. Затем он увидел желтые от ночной иллюминации пальцы склонившегося, трящие плечо.

— *Que faites – vous isi?* — спросил полицейский, и Демьяну показалось, что они знакомы.

— *Ca va?* — заулыбался он в ответ, но, увидев стоявшую рядом мадам-полицейскую, пал духом. Тем более у мадам было черное, как отбивная, лицо.

— На «синяка» не похож, — сказала афро-француженка. — Эй, месье, у вас документы имеются?

Демьян пошарил по карманам и:

— *Allez – y,* — протянул полицейскому паспорт.

Тот пошуршал страницами и вернул лежащему.

— Месье, можно у вас спросить, — поинтересовался полицейский, — а что вы здесь, собственно говоря, делаете?

Тут Демьян уже проснулся окончательно и, вспомнив состояние дел, стал экзальтированно и с пафосом талдычить про свое: про то, что, мол, все забыли про эгалите и фратерните, а про либерте уж и подавно.

— Это так, — полицейский согласно кивнул.

— А здесь, — продолжил взбодренный пониманием Демьян. — Здесь, как в Магрибе! Звезды такие большие. Это не наши северные карлики, от которых ни бэ ни мэ. Отсюда небо кажется живым и участливым.

— Точно? — полицейский пожевал губы. — А мне можно посмотреть?

И вот они уже вдвоем лежат на газончике, и полицейский спрашивает то про одну звезду, то про другую, а Демьян объясняет, как ученику. Тем временем тучная черная женщина неодобрительно, руки в боки, слушает их разговор, наконец, не выдерживает, произносит, словно передвигает кресло:

— Что вы там такое говорите про Магриб! Да я сама из Магриба! — Она делает паузу, склоняется, спрашивает, стесняясь своего вопроса, противостественного будто бы для полицейского чина:

— А мне-то можно глянуть? Ведь из Магриба же я.

— О, да! Конечно же, да. — Демьян пододвигается чуток, полицейская женщина укладывается рядом, и они долго лежат, глядя в небо, комментируя пространство, и шепотом переговариваясь.

Хотелось написать так:

Мимо туристских толп и торговых развалов «Тати» спускаюсь по бульвару к Барбез. Романтический Монматр остался за спиной и вверху. Хотя и там, на паперти Сакре-Кер чернокожие достают туриков, пытаюсь втюхать им шапки или бусы. Но на перекрестке под эстакадой метро полный атас — молодые арабы трясут пиратскими ремнями «D&G» и пачками «Marlboro», повторяя с угрозой, как молитву, торговое предложение: «Мальро! Мальро!» Интересно было б узнать экономику происходящего. Где-то, небось на окраинах объединенной Европы, поляки или румыны штампуют «паленку».

Протиснувшись в метро, соображаю, где тут линия в сторону *port Orleane*. Передо мной сигаретный араб начинает суетиться. Полиция, что ли, проснулась? Один блок сигарет засовывает вовнутрь рукава куртки, другой мгновенно оборачивает газетой и втискивает в зазор между ступенями и стеной.

В следующий раз я пошел болтаться по Бельвилю — тут арабы разбавлены китайцами и бедными евреями, чья потертая синагога находится неподалеку от главного торгового перекрестка. Я чемпион мира по пешеходным прогулкам по Парижу. Это уже и не прогулки, а выматывающий спорт. Я это делаю уже более десяти лет — месяца два в году, каждый день из этих месяцев по несколько часов и летом и зимой, и в жару и в дождь.

Для начала я поднялся на холм и прошел мимо церкви, перешел улицу и толкнул стеклянную дверь магазина. Справа от двери стоял агрегат для молки кофейных зерен, сконструированный в эпоху модерна. Слева находилась стойка с кассовым аппаратом и полки с образцами продукции: пуэрто-риканские зерна, гватемальские, коста-риканские.

— *Ca va!* — сказал я высокому худощавому мужчине, печально сутулящемуся по ту сторону.

— Оу! — восторженно воскликнул продавец. — *Ca va!*

Его предок был наполеоновским генералом, и поэтому Пьер так скучал, став буржуа. Еще недавно он богемничал на Монмартре и читал Достоевского, пытаясь понять русскую душу, поскольку дружил с местными русскими. Но Достоевский страдал душевной болезнью и запутал Пьера окончательно. Но потомок генерала нашел выход — из слабеющих рук отца выпал кофейный магазин, и Пьер теперь находился в нем целый день среди вкусных запахов.

Мы поболтали на ломаном-переломаном английском, Пьер намолот мне упаковку коста-риканского, и я отвалил, вернулся на перекресток. Посмотрел на китайский ресторан, передумал есть утку, сперва хотел двинуть налево по бульвару Менильмонтан, добраться до того места, где на стене висит мемориальная доска, говорящая о том, что здесь находилась последняя баррикада коммунаров. Но искомый квартал совсем уж превратился в Бейрут. Передумав, я пошел шумным фобургом вниз, в сторону *Republic*.

Конечно, это был разгар лета. Над головой облака все плотнее и чернее. За что я люблю Париж, так это за дождь, который готов оросить асфальт в любое время, но почти никогда не становится снегом. Хотя я видел однажды несколько снежинок, падавших среди солнечного дня на пасху. Но снежинки занесло сюда из России, да и было это еще в прошлом столетии. Я хожу постоянно, и поэтому меня не вычислить. Кто живет неподвижно, тот уподобляется риске на рейке с постоянными координатами. Про такого известно всякому, кому только ткнет в темечко поинтересоваться. А я непредсказуем для самого себя, и поэтому мне еще интересно с собой жить...

Мои попытки ходить по 16 или 17 округу оказались пустой тратой времени. Оттого что ты спустишься по авеню Карно и свернешь на улицу Акаций, а затем, к примеру, пройдешь по улице Полковника Моля, а после окажешься на авеню Терн, ничего в мире не изменится. Оттого что ты потолкаешься по многолюдным фобургам, тоже ничего не произойдет, но хотя бы сохранится иллюзия изменчивости мира. Однажды весной я отправился в 16 округ выбирать президента. В 16 округе в большом советского вида здании с видом на Булонский лес находится российское посольство. Была весна, и в России выбирали Путина во второй раз. Мой голос картины происходящего не менял, но хотелось посмотреть, как эти русские дела делаются в Париже. Прошел вовнутрь под неусыпным взором. Меня попросили показать паспорт, и я достал. Дипломатический работник с каменным лицом сфинкса полистал документ и произнес без эмоций:

— Как? — Мое сердце упало и ударилось в пятки.

— Вот, — сфинкс ткнул пальцем в паспорт. — Нет подписи владельца.

Naturalment! Получая ксиву дома, я почему-то не расписался. С недоделанным паспортом проник через границу НАТО и Евросоюза. Только бдительный бюрократ меня раскусил.

— И что мне делать?

Сфинкс протянул авторучку и произнес с дружелюбным безразличием:

— Распишитесь.

Я расписался и спросил:

— А теперь?

— Теперь действителен.

— Слава богу! — Я забрал документ и пошел голосовать против всех.

Но на самом деле все случилось таким образом:

«И тогда погода испортилась. Несколько дней светило солнце, и я даже пытался загорать, развалившись на скамейке возле дворца Шайо, с видом на талантливо эрегированный Тур Эйфель. Затем натащило туч и стало холодно. А когда через несколько дней я стоял у могилы Моррисона на Пер-Лашез, разглядывая под бдительным оком девушки-полицейского всякие надписи на ближайшей от Джима усыпальнице, то вообще началась метель. Посреди метели казалось уместным прочитать строку рядом с могилой культового американца: «See you soon. Николай из Кандалакши». Но даже неожиданное ненастье не отменило того факта, что в Париже круглый год весна и поэтому хочется петь даже человеку, которому в силу возрастных изменений уже не так мешает жить основной инстинкт...»

Я пишу эти строки после долгого подъема под холодным дождем по rue Moufflard. Добравшись до place de Countrescarp, мне ничего не оставалось, как усесться на террасе прокуренной пивнушки и, скинув мокрую тужурку, изображать из себя Хэмингуэя, пережидая дождь.

Не успел я добраться до Парижа и разместиться на rue du Colonel Molle, как позвонил с Монмартра соплеменник и сказал:

— Сегодня в клубе возле Орега играет Шевчук. Билет стоит тридцать евро. Может быть, сможешь провести за так?

Идея понравилась литературным сюжетом, и я набрал питерский номер Коли Медведева.

— Ты директор культурного центра, значит всемогущий человек. Сделай проходку на концерт Шевчука.

— Подожди. Ты ведь в Париже.

— И Шевчук в Париже сегодня поет.

— Оригинально! Тогда запиши номер его директора.

Звоню на мобильный. Слышу голос Тимошенко, представляя симметричное лицо настоящего джентльмена. Тот сперва удивляется, затем приглашает прийти.

Вечером на пустынной rue плотная русская толпа человек в триста. На входе стоят отставные боксеры. Как-то объясняюсь и провожу знакомых. В гардеробе за раздевание содрали 2,5 евро, на зато с бесплатным bonjour monsieur.

Подхожу к Шевчуку поздороваться.

— А ты что тут делаешь?

— Роман пишу.

— Прямо-таки Марсель Пруст!

Затем толпа набилась, и народный артист Юра запел, а русские запели вместе с ним. Такой энергичной задушевностью можно аккумуляторы заряжать. Девушки в зале рослые, с хорошими телами, вывезшие красоту без таможенных пошлин, а мужчины разные, но в основном при деньгах. Когда Шевчук отыграл, началась дискотека, полилось шампанское и забегали гарсоны с устрицами...

Кирилл и Его Девушка зазвали на Монмартр и, поднявшись по rue Lepic, мы уселись в cafe Veuant, где к нам присоединился местный Гастон с тонким профилем одухотворенного интеллектуала. Интересующийся русской душой и тем, как произошла наша рок-революция. Гастон пришел с томиком «Бесов» Федора Достоевского, что говорило о серьезности намерений. Пришлось рассказать вкратце, что мы пели и зачем.

— Oui! Oui! — с некоторым сомнением кивал француз.

Тут же Кирилл объявил о необходимости записать с Алексеем Хвостенко, Хвостом, одну песню. Фонограмма уже есть, и осталось только наложить голос. Я взял кассету и отправился на rue du Colonel Molle репетировать, недоумевая — зачем мне в Париже записывать чужие песни, когда я и со своими до конца не разобрался? А затем, что делать мне здесь нечего, — только петь. Да и всем нашим, кому удалось зацепиться за французский социализм и получить пенсию, остается только распевать...

Шарлеман Пятый в XIV веке на восточных подступах к столице построил офигенный замок — Chateau de Vincennes. Теперь я сижу на скамейке возле оборонительного рва. Кирилл и Его Девушка опять опаздывают, затем опаздывает Хвост. Наконец приходит в ватнике, расшитом слонами, и в тибетской тубетейке, лицом похожий на домового из ярославской глубинки, и мы долго пьем кофе на террасе напротив chateau. После добираемся до студии, коллеги по пути покупают бутылочку бордо. Когда приходим в искомый дом, то выясняется, что студийное время кончилось и надо заново договариваться. Тогда мы катим на Монмартр, где Хвост достает фотоаппарат и говорит:

— С Юрой на следующий день хорошо так погуляли-побродили. Он завел в магазин, купил самый дорогой и подарил.

— Он такой, — соглашаюсь я. — Добрый, как Шаляпин.

Мы снимаемся возле каруселей, а чуть в сторонке потертого вида «кустурица» наяривает на гармони и мычит...

Кирилл и Его Девушка уехали в Биарриц на неделю, и я стал ездить по Парижу туда-сюда. В метро одни играют и поют по закону, имея лицензию, другие херачат на свой страх и риск. В длинном переходе под Chatlet сидела то ли с бандурой, то ли с гусями украинская женщина и «пиратски» пела про «дывчыну» оперным голосом, а в другом конце подземелья фальшиво наяривал на тромбоне «хаве-нагилу» француз с мандатом и портил веселее настроение случайным евреям.

На рынке неподалеку от Gare de Lion торговцы орали, словно панки:

— Allons-y! Allons-y! Cadeau! Cadeau!

Deux kilo! Un evro!

Тут же какой-то придурок с раскрашенным лицом и трубой пытался пением-игранием заработать на выпивку, и возникшая полиция стала его выпроваживать. Однако раскрашенный попер на власть, произнес речь, содержание которой было примерно следующим:

— Сатрапы! Душителы свободы! Гражданин честным трудом зарабатывает на жизнь! И вы, менты поганые, не заткнете мне горло, потому что Либерте! Эгалите! Фрартерните!

Рыночный люд стал окружать ментов, и те ретировались.

А на скучно-чопорном avenue Carnot в сотне метров от Площади Звезды с настойчивостью, достойной лучшего применения, работал магазин арф. Ничего, кроме арф, магазин клиентам не предлагал. Я проходил мимо магазина раз двести, но так ни одного арфиста-покупателя не увидел.

Но жизнь окончательно наладилась 14 марта, когда солнце ожило по-летнему.

В парижской мэрии, Hotel de Ville, 18 марта открывалась выставка, посвященная Парижской коммуне. Как было не отметить и не попеть «Марсельезы», вспоминая пионерское отрочество! Но я перепутал двери и вначале попал на выставку фотографий Эдит Пиаф. Разные фотографии Эдит с разными мужчинами и без мужчин. Французы ей простили даже то, что она продолжала петь во время фашистской оккупации...

Тем временем Кирилл и Его Девушка вернулись с моря, и приблизился час, когда следовало ехать к ним и петь песни в узком кругу. Продав по обыкновению возле метро Blanch с пятнадцать минут, я не стал ждать вечно опаздывающих и поднялся на rue Abbesses пить кофе на террасе. Путем перезвона по мобильной связи мы нашли друг друга, и скоро возле кафе появился Кирилл с Хвостом. Мы продолжили подъем на вершину Монмартрской горы и скоро оказались в махонькой квартирке, где, кроме Девушки, нас поджидали двое грузинских художников с рок-н-рольным уклоном, русская, торгующая свечами в православном храме, русская из Израиля, корсиканец Бернар, собравшийся писать сценарии про перестройку, «Сайгон», рок-клуб и прочее минувшее, уже известный мне Гастон, молодца из Минска. Всего человек двенадцать слушателей.

Народ попивал винцо. Все улыбались и раскланивались. Затем Кирилл зачитал стихи. А Его Девушка заиграла на синтезаторе, как группа «Doogs». Народ съел сыра и выпил вина. Хвост взял гитару и стал махать мимо аккордов. Голос его похож на треснутое зеркало. Но шаманило будь здоров. Пифия-Хвостенко, по просьбе слушающих русских, согласился спеть свою знаменитую по репертуару «Аквариума» песню «Город золотой». Человек пожилой, Хвост напряг память, запел, забыв слова:

— Над небом голубым, ля-ля ля-ля ля-ля.

Ля-ля ля-ля ля-ля-ля-ля, ля-ля ля-ля ля-ля...

Присутствующие возбудились еще больше. Выпили вина. Собрали по два евро, послали Гастона за выпивкой, съели сыра. В пространстве квартиры слоилась, словно табачный дым, русско-французско-грузино-английская речь. После я запел басом и задавил всех. В окошке мигал вдалеке украшенный гирляндами лампочек Тур Эффель.

Затем песни кончились. Но в крови еще гулял адреналин. Гастон сказал мне, размахивая фужером:

— Да я тебя... Да я тебе... Что ты еще не видел в Париже?

— Да все я уже видел.

— Тогда я покажу тебе такие места, где только рельсы и стены! Там уже ничего не ходит.

— Лучше катакомбы. У меня в одном из романов дело происходит в парижских катакомбах. А я там ни разу не был. Только не такие, которые для туристов.

— Завтра же с утра отправляемся в катакомбы! Ты готов? Это страшно. Просто страшно. Там люди катакомбные ползают. Они дико воют и так же поют!..

Я спускался с Монмартской горы и случайно свернул вправо. Обнаружил кладбище, которое перешел по мосту. Я шел в сторону Place de Clichy. Где-то тут Генри Миллер проделывал свои половые штучки. Но мне было не до Генри. Во мне звенела бесконечная мелодия. То затухала, становясь все ниже и басовитей. То улетала ввысь тенором. Так поет Париж весной, длящейся весь год. Этот город, построенный из банального песчаника, для того и есть. Он инфицирован песнями, как Фрэди Меркьюри спидом. Пора было останавливаться. «Хватит петь», — постарался я приказать себе и спустился в метро. Из тоннеля гулко, словно «Deep Purple», выкатился поезд. Я сел в полупустой вагон и продолжил тушить в себе песню. Тут, будто черт из табакерки, выскочил мужичок средних лет, всклокоченный и джинсовый. Он пробежал по вагону, остановился возле меня, достал губную гармошку и, проговорив что-то про социальный мизер, стал наяривать на гармошке. Он наяривал, но не пел. Мне это понравилось, и я уже собрался достать предпоследнюю монетку. Тут мужичок оторвал гармошку от губ и заголосил.

А в другой раз получилось вот что:

В Петербурге в начале весны началась зима, а в Париже весна круглый год. Я опять отправился в их весну, чтобы на этот раз не просто болтаться без цели, снашивая каблуки по парижским мостовым, но и с расчетом поучаствовать в Salon du Livre — Книжной ярмарке, куда Россию пригласили почетным гостем и выдали в выставочном комплексе возле port de Versaille бесплатный гектар. Осталось только туда русскому писателю и журналисту проникнуть. В результате телефонных звонков и бесед с недоброжелательными mesdames из окружения мосье Филатова (Россией в Париже занималось Агентство по пресловутой культуре) мне рекомендовали у них купить аккредитацию за 60 евро. Я плюнул, взял справку в еженедельнике «Час Пик» и получил в выставочном комплексе «service de press» проходку и набор буклетов даром. Тут же возник риторический вопрос — куда же все-таки делось золото партии?

Сама выставка открывалась 18 марта. Накануне я отправился в весенний Версаль и по пути, когда машина остановилась на светофоре, прочитал табличку на дверях ближайшего дома — boit a idée. Дверь принадлежала

мэрии пригорода, а содержание таблички переводилось так: «Ящик для идей».

Идейный ящик моей головы имел к Парижу предложение — хотелось провести на ярмарке акцию петербургского гражданства с выдачей желающим соответственных вкладышей в паспорта. Но как? Издательство «Амфора» собиралась арендовать у Филатова стенд, но передумало. Затем возник Борис Бергер и его московский «Запасный выход». На нашей бизнес-встрече в Питере Бергер заснул, и всех деталей мы не проговорили. Тем не менее я взял в Париж три поллитровки, графический плакат гениального Лемехова с головой де Голля и гражданские вкладыши. Осталось только купить пирожков на закуску. Они чуть все и не испортили...

В день открытия Салона Бергер имел удрученный вид, и я повел его к французским издателям, уже вовсю выпивавшим и закусывающим на квадратном километре Salon lu Livre без указаний свыше. С Россией-матушкой оказалось сложнее. Агентство оформило свою территорию в виде березовой рощи, каждый из стволов которой венчал российский флаг. Посреди рощи стояли березовые (вот на заготовку чего ушло золото партии!) пеньки — к ним и повели отечественных писателей с Граниным и Вознесенским во главе. Тут и медленно ходящий романист Аксенов, овальный Быков, майор Маринина. (Ковбой Валерий Попов представлял Петербург с лучшей стороны.) Перед пеньками стоял рояль и ждали хозяев виолончель со скрипкой. Поскольку по роще гарцевал ухоженный на 1250 евро Спиваков, то, казалось, именно он ударит по струнам. Но заиграли другие. Пианисту страницы партитуры переворачивал атлетически сложенный, не побоюсь этого слова, гей...

Концерт длился бесконечно. Покинув русскую рощу, я развалился на красно-белой лужайке перед роскошно сервированным столом, где на мои попытки ухватить стаканчик минералки, строгие официанты с выправкой телохранителей ответили: «Буфет еще нет!» Тут же вокруг зашуршали народные массы и из них материализовался премьер-министр Франции Рафарен. Он остановился возле меня, кивнул, произнес: «Бонжур», махнул официантам, объявив: «Буфет уже да!»...

А в русской роще продолжалась классическая музыка. Геронтократы на пеньках еле выжили. Наконец и в роще дали отмашку выпивать. Для VIPов накрыли в чеховской беседке, но большинство русских издателей и писателей туда не попало, утешившись, впрочем, у гостеприимных и не жадных на вино французских коллег.

Madame Rekshan заказала на кухне нашего посольства сорок пирожков за мой и свой счет. По непередаваемым причинам я за ними не поехал. Узнав про неполученные пирожки, madame Rekshan сказала, чтобы я отправлялся в жопу со своей петербургской акцией, что переводить она не будет. Потом начались звонки приглашенных парижан, и мадам сказала — так и быть, уже поздно отменять, но я тебе этих пирожков никогда не прощу...

19 марта ровно в 13.00 на окраине рощи, там, где она переходила в нейтральную территорию, образовался казачий круг. Без всяких санкций

и содействий, без микрофона и партчванства, без жеманства и страха перед необеспеченной старостью, автор этих строк обратился к народам континента:

— После падения идеологических барьеров процесс объединения Европы стал необратимым. Еще де Голль говорил о единой Европе от Атлантики до Урала!.. Для новой Европы Санкт-Петербург вполне может сыграть роль духовной, интеллектуальной столицы. Мадрид, Рим, Париж, Лондон, Берлин, Киев, Варшава, Москва... Это национальные столицы. Санкт-Петербург же — единственный в Европе город, созданный руками представителей всех народов Европы. В нем есть Английская набережная, произведения Монферрана и Фельтена, архитектурные шедевры Росси и Растрелли. В городе на Неве учился украинский классик Шевченко, здесь впервые вручили премию Нобеля... Движение «Граждане Петербурга» — пример народной дипломатии. Почти одиннадцать тысяч человек подданных разных государств приняли петербургское гражданство...

Собравшиеся французы врубались, да и наши не подвели. Об успехе акции говорит такой факт — прибежали русские особисты и забеспокоились. Бонвиван Бергер, бывший с бутылкой брэнди, бодро отбил атаку ЧК:

— Эта акция введена в программу издательства «Запасный выход», заплатившего вам кучу бабок!

Madame Rekshan тоже не подкачала, энергично переводила, пародируя и меня, и Фиделя Кастро одновременно. В итоге мы привели к петербургской присяге несколько десятков человек, заключили три петербургских гражданских брака и накатили всем желающим водки без *vi*ровства и бюджетных капиталовложений.

Престиж России заметно вырос. Весеннее лето в Париже продолжалось с температурой под 20 градусов Цельсия...

Была б моя воля, то вырубил бы я березки на фиг и построил на месте рощи Кремль, окруженный Садовым кольцом — ведь на выставке вальсировали в основном москвичи. Где-то на окраинах ютилась оставшаяся Россия, обживая узкие проходы между стендами, жуя бутерброды и глотая бордо. Пока Радзинский в центре рощи сказал в микрофон сто сорок пять раз слово «я» (Я — Распутин, Я — Николай Второй. Я — Екатерина Великая...), питерский Цветков и новосибирский Берязин пытались соединить евразийскую правду Алтая с гипотезой о славянах кельтского происхождения.

Вообще-то было интересно и полезно увидеть всю Москву за круглыми столами и на персональных выступлениях. Говорили умные слова, говорили глупые слова. Москвич Тучков прицепил бороду и изображал Толстого. А тем временем впечатлительная публика раскупала русские книги пачками...

В начале Салона в Париж приехал Путин, и официальную делегацию пригласили в Елисейский дворец. Во время приема московский В. Ерофеев рванул к Шираку на глазах у телекамер дарить свой опус. Поскольку В. Ерофеев пишет книжки с порнографическим уклоном, интересно было б узнать, как теперь спит лидеру французского народа...

Выставка заканчивалась 23 марта, и на ней побывали тысячи и тысячи парижан. Все издательства Франции предлагали свои новинки. О выставке писали газеты. На нее водили школьников. Было завидно.

В последний день, несколько подустав от гомонливых соотечественников, я без цели отправился на Монмартр, предполагая прошвырнуться у подножия горы, но зачем-то, как сомнамбула, стал карабкаться вверх, куда, дабы не уподобляться рядовому туристу, никогда не хожу... Ковбой Попов сидел на вершине Монмартрской горы и, освещенный неонем, обедал на террасе ресторана с видом на Сакре-Кер.

— И это в то время, когда сотни питерских писателей влачат жалкое существование! — воскликнул я без тени сочувствия, сел рядом и стал быстро прожигать жизнь, заказав кофе за 3,5 евро.

— А ведь тридцатого марта судьбоносное голосование в Союзе невских писателей, — строго сказал ковбой (он же председатель правления Союза писателей Санкт-Петербурга), вытирая губы салфеткой, расшитой золотом.

— Так я напишу тебе доверенность! — парировал я (он же член правления Союза писателей Санкт-Петербурга) и начертил ее на обратной стороне ресторанного чека.

Затем мы спустились до Мулен Руж и побрели в Клиши. Какой-нибудь внятный разврат отсутствовал. Тогда мы разъехались, помахав, как Ленин и Плеханов, друг другу со значением.

...В полночном вагоне я оказался возле madame, похожей на доктора экономических наук и завсегдатая вернисажей одновременно. Напротив, полузакрыв глаза, ехал со смены чернокожий работяга. На следующей остановке один из представителей алкогольного этноса застрял в двери, и пьяный дружок его долго выдергивал на платформу. Когда электричка тронулась, madam сделала испуганные глаза и произнесла:

— Он же мог пострадать! Как это ужасно!

— А если б он убился — туда ему и дорога, — рассудительно прокомментировал черный. — Ведь всем известно, что с дверьми не шутят.

Я шутить не стал. Поэтому без проблем добрался до rue Colonel Molle. А на следующий день лето кончилось, и снова началась весна.